

Он улыбался так величественно среди цветов, что я вдруг почувствовал себя недостойным. Моё лицо было изуродовано, тело искалечено. Как такая развалина может соперничать с этим божественным созданием?

Впервые за десятки тысяч лет я ощутил стыд.

Я каждый день следовал за ним в Хунвэньгуань, надеясь однажды набраться смелости и снова выразить свои чувства.

Но теперь моя храбрость иссякла. Видя, как его окружают красавицы, чьи лица, словно цветы, выделяли меня, как жалкую рыбку чешую среди жемчуга, я всё больше робел, прячась в тени и лишь наблюдая.

После стольких дней в Хунвэньгуане я уже хорошо знал это место.

Цин Ту был пьян, и вдруг к нему подкрался мужчина с лицом, покрытым шрамами, с ненавистью в глазах.

Я знал этого мужчину. Он влюбился в одну из девушек, но та предпочла Цин Ту, отвергая его снова и снова, даже отказываясь выпить с ним.

После множества отказов, потратив целое состояние, он всё равно не смог завоевать её внимание.

Девушка, услышав стихи Цин Ту, говорила всем: «Если бы я могла провести ночь с господином Цин, я бы умерла счастливой. Все остальное — ничто по сравнению с ним».

С тех пор мужчина возненавидел Цин Ту. Он часто смотрел на него с яростью, и в этот день, будучи пьяным, он выхватил меч и замахнулся на спину Цин Ту.

Моё сердце сжалось, и я, забыв о скрытности, мгновенно переместился, сбив мужчину с ног. От силы удара он, словно чёрный уголь, вылетел из Хунвэньгуаня.

Я думал, что Цин Ту пьян, но он был трезв и смотрел на меня с гневом.

— Я просто увидел, что он хочет тебя ранить. Не хотел прерывать твои развлечения.

Я стоял среди прекрасных девушек, чувствуя себя неуклюжим. Они были изысканны, как лебеди, а я, в грубой одежде, с чёрной вуалью, худой и маленький, словно уродливый утёнок среди них.

— Ты уже прервал! — Он был зол, его глаза, обычно игривые, теперь горели от ярости, блестя от выпитого вина.

— И к тому же разве я нуждаюсь в твоей помощи? Такой мусор не мог бы причинить мне вреда.

Он казался особенно раздражённым. Да, с той ночи в пустыне, когда он спас меня, он никогда не смотрел на меня с добротой.

Я хотел уйти, но не мог сдаться:

— Ты меня не любишь, ты ненавидишь меня, потому что я калека? Потому что я уродлив?

Цин Ту задумался на мгновение, затем ответил:

— Да!

Моё сердце разорвалось, и слёзы сами потекли по моим щекам.

Раньше я никогда не плакал, но, оказавшись в Мире Людей, стал слабее.

Я коснулся своих холодных глаз:

— Ты раньше говорил иначе. Ты сказал, что я уникален, что я...

Цин Ту прервал меня с раздражением:

— Это была просто игра с ребёнком. Кто бы мог подумать, что ты так привяжешься ко мне.

Оказывается, слова, которые я считал драгоценными, были просто шуткой.

Я стоял перед Цин Ту, слёзы текли сами по себе.

Одна из девушек, одетая в яркие одежды, решила подшутить надо мной и сорвала мою вуаль. Увидев моё лицо, она отшатнулась с криком:

— Какой урод!

— Смотрите, вот он, урод!

Гости и девушки Хунвэньгуаня зашумели. Люди с верхних и нижних этажей сбежались, чтобы посмотреть на меня, словно на диковинку.

Они смеялись, указывали на меня, обсуждали.

— Никогда не видел такого уродца!

— Как он смеет мечтать о таком божественном создании?

— Уроды всегда вытворяют глупости. Такой ужасный вид — это, наверное, наказание за злодеяния.

— Ему бы стоило посмотреть на себя в зеркало. Внешность отражает душу, он, должно быть, совершил много зла.

Слова окружающих резали меня, словно ножи. Я чувствовал, будто меня раздевают догола, оставляя без защиты и укрытия.

У меня больше не было сил стоять перед Цин Ту. Я пробился сквозь толпу, убегая от их взглядов.

Я бежал без остановки, ветер бил мне в лицо.

Звёзды скрылись, и взошло солнце.

Я остановился у ручья, глядя на своё изуродованное отражение в воде. Я горько усмехнулся: такое лицо действительно было отвратительным.

Раньше моё тело было крепким, как сталь, и даже боги и демоны не могли легко ранить меня. Если я получал раны, они быстро заживали. Но теперь, оказавшись в Мире Демонов и Мире Людей, я становился всё слабее, и раны заживали медленно. Моё тело стало слабее, чем у некоторых практикующих людей.

— Ты был куклой, неуязвимой, без эмоций и желаний. Но ты влюбился в демона, у тебя появились чувства, ты обрёл корень любви, и сердце стало мягким. Теперь у тебя много слабостей, и ты будешь становиться всё слабее, пока не исчезнешь навсегда.

— Ты не мужчина и не женщина, не бог и не демон. Ты — уродливая развалина, и ты мечтаешь стать другом демона. Но ты даже не имеешь права любить. Всё, что ты делал, — это лишь твоя собственная глупая игра.

Жестокий голос, словно доносящийся из ада, заставил меня вздрогнуть. Я обернулся.

— Я могу дать тебе новое тело, подарить тебе невероятную красоту. Ты больше не будешь бояться, что твоя внешность не достойна твоего возлюбленного.

— Любовь — это азартная игра, а красота — твой главный козырь.

— Ты уже в таком ужасном состоянии. Даже если я обману тебя, хуже уже не будет. Почему бы не рискнуть? Зачем тратить годы впустую?

Я признаю, слова Мо Ганя тронули меня.

Я выслушал его и, не раздумывая, пошёл за ним. Он был прав: хуже, чем сейчас, уже не будет.

У меня не осталось ничего, кроме этого искалеченного тела. Почему бы не отдать его? Лучше рискнуть, чем жить тысячи лет в скуке.

Я знал, что у Мо Ганя свои планы. После битвы в Городе Призраков он исчез. Императорская гробница была разрушена, земля в Цзиньлине содрогалась, и он издал три указа: покаяние перед народом, отречение от престола в пользу премьер-министра и завещание о кремации своего тела.

Эти три указа были выпущены так быстро, что никто не успел опомниться.

Когда мы с Цин Ту вернулись из Города Призраков, его уже не было. Новый император был добродетельным правителем, но он мало знал о делах семьи Мо, и странные события в Городе Призраков остались без расследования.

Кто бы мог подумать, что император, чьё тело было кремировано, снова появится в мире людей. Какие бы планы он ни строил, я должен был пойти на его уловку, чтобы понять их.

Мы с ним дошли до императорской гробницы, которая теперь была руинами, превращёнными в равнину.

Но Мо Гань взмахнул рукой, и тысячи каменных могил начали подниматься из земли. Они были окутаны чёрным туманом, и, достигнув поверхности, камни стали двигаться по законам пяти элементов и восьми триграмм, быстро образуя каменный дворец.

Дворец излучал странный чёрный свет, его форма постоянно менялась, и на каждом камне были выгравированы странные символы. Он напоминал огромного зверя, скрытого в тумане, с рогами, бычьими глазами, слоновьим хоботом, оленьим телом и лошадиными ногами — более странного, чем легендарный «четырёхликий».

Я вспомнил, как Хозяин рассказывал мне о странных существах Трёх Миров. Кажется, королевская семья якшей выглядела именно так.

Но Мо Гань был человеком, хотя и практиковал магию. Какое отношение он имел к королевской семье якшей?

— Что, испугался?

Я задумался, а Мо Гань смотрел на меня с холодной усмешкой.

Я не ответил.

Он постучал в каменные ворота, и вход во дворец открылся. Я последовал за ним внутрь.

Хотя я очень хотел обрести красоту, я не мог полностью доверять Мо Ганю. Он был слишком коварен.

Я вспомнил, что у меня с собой был корень Цветка Терновника. Этот цветок мог пробивать камни, противостоять ветру и грому и был сильнее, чем персиковое дерево, способное отпугивать злых духов.

Я спрятал корень в руке и последовал за Мо Ганем по тёмному коридору.

В конце коридора был магический круг, окутанный чёрным туманом.

Я ещё колебался, как вдруг Мо Гань ударил меня, сбив с ног.

— Что это значит?

<http://bllate.org/book/15420/1372300>